

ЖИТЬ ПОЛНОЙ МЕРОЙ

НА СЦЕНЕ —
ГОСТИ

В НАШЕМ городе с успехом проходят гастроли лауреата премии Ленинского комсомола Липецкого драматического театра имени А. Н. Толстого. С момента, когда коллектив возглавил заслуженный деятель искусств РСФСР Владимир Пахомов, прошло не так много времени, но уже можно судить о своеобразии художественного облика театра. Гастрольная афиша вместила далеко не все, что возможно было представить на суд ленинградцев, но все же мы увидели и русскую классику — произведения Чехова, Островского, Достоевского, и пьесы советских драматургов — Арбузова, Хмелика, Злотникова, Павловой, и имеющую для липецких актеров особый смысл драматическую балладу Друзей «Возвращение на круги своя».

Имя Толстого, которое театр носит с прошлого года, для него не знак престижа, и обращение к пьесе Друзей не стало формальной данью памяти писателя, оно продиктовано давним и глубоким интересом к личности Толстого, потребностью живой связи с его нравственным миром. Исполнитель главной роли в спектакле «Возвращение на круги своя» з. а. РСФСР М. Соболев стремится вовлечь зрителя в непрерывный поток размышлений Толстого, сделать свидетелем мучительного разлада в душе писателя, предельно близкого к уходу из Ясной Поляны. Режиссер Б. Голубицкий видит источник драмы не столько в духовной разобщенности с близкими, сколько в потребности быть предельно честным перед собой и невозможности полностью ее реализовать. На второй план отодвигается конфликт между Толстым и его окружением, характеры членов семьи, друзей и недругов лишь обозначены, и это кажется правомерным. Вновь и вновь возвращается мысль Толстого «на круги своя»: жить по совести — это жить в соответствии с тем, что проповедуешь. Ведь проповедь, как бы верна она ни была, не может стать истиной, пока человек не воплотит ее в своих поступках, в своем ежедневном существовании. И не требовательный ли голос самого Толстого звучит в язвительном беспощадном репликах нищего Фадея, юридивого, неотвязной

тенью расположившегося в уголке барского дома?.. Художник А. Нестеров нашел выразительное сценическое решение спектакля, создав атмосферу, в которой жила писатель. Отсюда, из этого дома уходит человек, чувствующий личную ответственность за происходящее в мире, уходит, чтобы выполнить долг перед своей совестью.

Внимание к личности Толстого, к его нравственным исканиям во многом определяет уровень размышлений театра о человеке, о его предназначении. Заряд высокой требовательности к людям по-разному ощутим во всех постановках.

Герои спектаклей «Пришел мужчина к женщине» и «Триптих для двоих», поставленных И. Райхельгаузом по пьесам ленинградского драматурга С. Злотникова, — одинокие, неустroенные люди. Они жаждут общения, понимания, любви и не находят их. Но театр не спешит посочувствовать своим героям, полагая, что главная беда заключена в них самих, в неумении понять себя и другого, в подмене настоящих духовных ценностей красивыми представлениями о них, в боязни сделать шаг навстречу другому человеку, боязни отдавать без гарантии получить что-то взамен. В обоих спектаклях женские роли исполняет актриса С. Погребняк. Четыре женщины — четыре судьбы, но все это грани одного характера современной «эмансипированной» женщины. Ее героини не очень юны, независимы, рациональны. Такова Дigna Федоровна в спектакле «Пришел мужчина к женщине». Стандартное благополучие ее квартиры, достаточно подробно представленное на сцене (художник И. Попов), только подчеркивает внутреннюю неустroенность этой женщины. И вот появляется Он (з. а. РСФСР В. Пономарев) — невысокий,

сутулый, очень непохожий на того, о ком мечталось. Комическая ситуация заочного сватовства и его последствий вызывает оживленную реакцию зрительного зала, а театр между тем подводит к вопросу: почему же так нелегко пробиваются друг к другу эти люди? И убеждает, что счастье не придет, пока не переменится сам человек, не научится любить другого, не примеряя его к заранее придуманному эталону, любить человека ради него самого. И возможно, театр прав, обращая свой упрек прежде всего к женщинам: разучившись любить, понимать и прощать, они утратили свою естественную женскую сущность, и эта потеря не может компенсироваться ни заманчивостью, ни независимостью, ни умением разумно организовать свою жизнь...

Столь же взыскательный взгляд на человека проявился и в спектакле, решенном в ином ключе. Обратившись к пьесе Арбузова «Сказки Старого Арбата», В. Пахомов увидел в Баясникове (з. а. РСФСР М. Соболев) не только милого чудака, но человека эгоистичного, который в увлечении своим творчеством мог больно ранить близких. При такой трактовке понятнее и сильнее звучит драма Кузмы (А. Тихий), ярче высветливается характер Христофора Блохина (А. Бляжер), его природный талант доброты и человечности. Вполне «земной», но от этого не менее привлекательной оказалась и Виктория (Т. Фирсова) со своими правильными мечтами, умением безоглядно любить и отказываться от своего счастья.

Обращенный к зрителям старшего поколения, спектакль этот интересен и молодежи, так же, как спектакли, ориентированные на самых молодых, многие открывают и взрослому зрителю.

Пьеса Хмелика «А все-таки она вертится?..» в постановке В. Пахомова дала молодым актерам возможность вволю «поиграть». Актеры А. Тихий, А. Сегальчик, С. Коленов создают характеры комедийно заостренные. Точное ощущение жанра свойственно этому спектаклю. Лакомичное и выразительное оформление создает художник Л. Розсоха. И хотя постановка полна веселых выдумок, за забавными перипетиями сюжета вырисовывается серьезная проблема бескомпромиссности, верности своим убеждениям. И готовность Васи Лопотухина быть, подобно Джордано Бруно, сожженным на костре, но не отступить, в сущности не так уж смешно, как это может показаться на первый взгляд... В разговоре со своим молодым зрителем театр не обходит острых углов, не страшится быть открытым. Такой спектакль «Страсти по Варваре» (режиссер Е. Курицина), где интересно деботировала А. Мунирова, создавшая непросто характер современной девочки-подростка с ее обостренным чувством справедливости и жадной человеческого тепла.

Театр не идет по заманчивому пути постановки неприятных пьес, обещающему без особых душевных и творческих затрат и полный зал, и популярность, не заигрывает со зрителем, но вызывает его на серьезный разговор о важных проблемах для сегодняшнего, пытается вместе с ним искать ответ на «вечные вопросы». И, конечно, это невозможно без постановки пьес классического репертуара. Среди них — списавший всеобщую известность спектакль Б. Голубицкого по комедии Островского «На бойком месте» и недавняя премьера — «Чайка» Чехова. Прикосновение к классике — это всегда нелегкое испытание, накопленные опыта художнического и

человеческого. Обращаясь к классическому произведению, режиссер так или иначе должен выразить свой сегодняшний взгляд на его героев. Какими же увидел героев «Чайки» постановщик спектакля В. Пахомов? «Вы рассуждаете, как слепой человек!» — эти слова Сорина могут быть отнесены не к одному Дорну. Почти все персонажи спектакля равнодушны, не умеющие почувствовать чужую боль людей. Лишив их масштаба таланта, обаяния, доброты, режиссер несколько упростила характеры и отношения героев. В позиции театра есть максимум, достойный уважения, но нельзя не пожалеть, что в стремлении к категоричности оценок режиссер обеднил свой несомненно интересный замысел. В финальном монологе Нины (О. Овчинникова) отчетливо выражено понимание театром судьбы художника, представление о творчестве: оно возможно только вне равнодушия, вне сытости, а за это приходится платить покоем, душевным комфортом, всей жизнью.

Опыт работы над классикой осуществляется в разных формах. И не случайно в театре возникает спектакль, предназначенный для малой сцены, — «Сон смешного человека» по рассказу Достоевского. Режиссер Б. Голубицкий не просто нашел в прозе Достоевского точки соприкосновения с сегодняшним днем, но прочел ее как только что написанное, увидел там средоточие вопросов, которые нужно решить немедленно, не откладывая...

Нет, не возвышенной, красивой проповеди готовится герой (А. Тихий), одеваясь в промозглой петербургской квартире, но к тяжелому, пекончаемому труду — таким смыслом наполняется его последнее «И пойду, и пойду, и пойду!»...

И нелегко вспоминается финал спектакля «Возвращение на круги своя», предсмертные слова Толстого: «Мне надо идти. Я должен дойти до конца». Мысль о необходимости жить полной мерой, идти до конца по пути, в истинность которого поверил, — неотъемлемая часть размышлений Липецкого театра о современном человеке.

А. МИНИНА,
Н. НИКОЛАЮК